84(2Рос=Рус)6
К 32

СЕРЕБРЯНАЯ ОБЬ

СЕРЕБРЯНАЯ ОБЬ

Сборник стихов поэтов Октябрьского района

Выпуск 1

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО

Книга издана по инициативе
и на средства МО «Октябрьский район» ХМАО

2002

– 70180 –

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
обязательный экз. ХМАО

84(2Рос=Рус)6
К С32

**Книга издана по инициативе
и на средства МО «Октябрьский район» ХМАО**

Сибирская земля богата не только природными ресурсами, но и талантливыми людьми. Но всегда ли мы замечаем в суете жизни, что рядом находятся неординарные, яркие, творческие личности? Очень часто творчество таких людей остается неизвестным. Поэтому сотрудники библиотек района решили создать литературное объединение. Идея создания литературного объединения зародилась в 1998 году на основе бесед с удивительными людьми — Макаровой Галиной Илларионовной и Кугаевским Валерием Федоровичем.

Этот сборник состоит из произведений людей, живущих в Октябрьском районе, которому в этом году исполняется 65 лет.

Душевное тепло наших поэтов что-то вроде невидимого родника от которого идут ко всем нам серебряные нити доброты и духовности. Это поэтические размышления о мире, о себе, о природе, полные любви к своим землякам, к родной земле, с неподдельной искренностью и простотой воспевающие свою малую родину — Октябрьский район.

Создатели сборника считают, что творчество наших земляков представляет несомненный интерес для читателей района, округа как творчество многогранное и самобытное, но к сожалению так не открытое массовому читателю.

От составителей

МАКАРОВА ГАЛИНА ИЛЛАРИОНОВНА

Родилась 29 октября 1937 года в поселке Октябрьское Ханты-Мансийского автономного округа. Окончила среднюю школу, Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ (г. Москва) и геолого-географический факультет Томского госуниверситета по специальности «География» (дипломная работа «Природа и население Октябрьского района»).

Трудовую деятельность начала в Сартыньиенской геолого-разведочной партии Березовской экспедиции в должности коллектора.

С 1961 по 1991 годы — на комсомольской и партийной работе: Березовский и Октябрьский райкомы комсомола; Октябрьский райком, Ханты - Мансийский окружком КПСС.

С декабря 1991 года назначена директором Октябрьского краеведческого музея, который предстояло создать. Помимо неизбежных хозяйственных забот, занималась сбором коллекций, разработкой экспозиционных планов и организацией экспозиций. Большую исследовательскую работу Г. И. Макарова провела в связи с подготовкой к 400-летию поселков Октябрьское и Шеркалы: изучала историю района, в особенности Кондинского Троицкого монастыря. Провела исследовательскую работу в Тобольском филиале государственного архива Тюменской области, библиотеках Тобольского музея и духовной семинарии, собрала большой материал, позволивший воссоздать облик монастыря в музейной экспозиции. При ее участии было положено начало сотрудничеству между музеем и лабораторией археологии Уральского университета, устроены две выставки, на которых экспонировались предметы, найденные при раскопках на территории Октябрьского района.

В декабре 1994 года ушла из музея. С октября 1995 года по 1998 год заведовала архивным отделом администрации Октябрьского района. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

Кодский монастырь

I

Уж век XVI кончался,
И Грозный царь уже скончался,
Россия обрела Сибирь —
Невиданный простор и ширь,
Земли несметные богатства:
Татарское Кучума ханство,
Остяцких княжеств племена —
Доселе дикого народа,
Средь коих возвышалась Кода,
Где правил храбрый Игичей
С надменной матушкой своей.

Он с своим войском помогал
Казакам строить укрепления
И вместе с ними охранял
России новые владения.
За это милость от царя
Имел он: право долго княжить,
Ясак сбирая, суд творя,
И прав других, немало важных.

А матушка его, княгиня,
Решила поменять отныне
Язычество на христианство.
Надевши на себя убранства,
В Москву поехала она,
И с младшим сыном, не одна.
Там вместе с сыном окрестилась.

И только в Коду воротилась,
Велела церковь основать, —
На то она княгиня-мать!
И сразу же с Ходас — Егана
Перевезла княгиня Анна
Семейство Алачевых в Коду,
Чтоб окунуть в святую воду:
Ее веление — закон!

Затем в Москву поехал он,
Сам Игичей. Крестился тоже.
Но осознать, что все ж дороже, —
Лик идола или Христа?
Им трудно было иногда.
Поэтому и неспроста
Нередко церкви пустовали,
Священники одни скучали,
А капища почти всегда
Те «христиане» посещали.

Но проведению дано:
«Монастырю быть»... в древней Коде,
Христову веру суждено
Здесь в местном укреплять народе.

II

Начнем, пожалуй, же с того,
Когда был монастырь основан.
Зачем? По прихоти кого
В глухой тайге он был построен?

Конечно же по царской воле
Для укрепления власти здесь.
Да и язычество доколе
Здесь будет пышным цветом цвесть?!

Среди языческих племен
Основан он в 17-ом столетье.
Жизнь то текла, а то бурлила в нем.
Он пережил немало лихолетий.

В начале расцветал и креп,
Имея и луга, и пашни,
Заимку, где растили хлеб,
Крестьян прилежных, работящих.

В Тобольске он имел подворье
И лавки для продажи рыбы.
В любых делах искал подспорье
Иметь доход, какой бы ни был.

Вдали от мира, средь тайги, снегов
Монахи и крестьяне тут немало потрудились.
И, зная, что «закон тайги» суров,
Ремеслам разным нужным обучились.

Умели все: ковать железо, серебро,
Готовить свечи, окна, лодки, снасти,
Растить хлеба, доить коров, ценить добро
И укрощать плотские страсти.

Он пережил подъемы и падения.
Разбойников набеги отбивал.

Раскольников держал в подвалах подземелья.
Миссионерскую работу выполнял.

Сколь важных узников он содержал,
«Которым быть в железах и работах вечных...»
К примеру, Иван Глоба здесь страдал, —
Последний писарь Запорожской Сечи.

Епископ Милитопольский, раскольник Рыбин...
Да разве можно всех назвать.
Никитин Родион сюда же прибыл
Здесь за проступки наказание отбывать.

Почти за три неполных века
В нем сорок настоятелей служили.
И много сил, достойных человека,
Они на монастырь тот положили.

Усердием особым отличился
Отец Арсений. Он служил здесь 20 лет.
При нем весь монастырь преобразился.
Игумен Сергий о себе оставил след.

Но были и такие, кто поправ
И честь, и совесть, и не ладя с богом,
Немало из казны монастыря украв,
Спешили скрыться за его порогом.

Ни раз монахам приходилось
С разбойниками насмерть биться.
Однажды все селение ополчилось,
Чтоб за обитель заступиться.

Да! В жизни место подвигу всегда
Найдется, хоть в глуши, хоть в просвещенном свете,
Когда к воротам подойдет беда,
Когда ты за других в ответе.

Был год, когда разбойный люд,
Ограбив монастырь, спешили скрыться.
Но ни дорог, ни местности не зная тут,
Они спешили, но боялись заблудиться.

Тогда из близлежащих юрт
Они проводника из местных взяли.
А он характером был крут, —
Что уготовил им, не знали.

Он, как Сусанин, их увел
В тайгу, к Уралу, напрямик.
В такие дебри их завел,
Что все погибли, с ними — проводник.

III

Церквей за триста лет было четыре
Три, отслуживши век, ушел в небытие.
Лишь храм кирпичный, белый и красивый,
Стоит, напоминая о былом.

Кто строил этот храм? Как будто шведы,
Плененные Петром в той битве под Полтавой.
А также те, кто, дав обеты,
Служили Господу всей верой — правдой.

Был мастер Иокинф Денисов.
Его умением возводился храм.
Снаружи, изнутри был золотом расписан.
Такой красы и не представить нам.

Кто б ни вложил сюда свой труд,
Дела их всех — благословенны.
И даже пусть века пройдут,
Поклонятся им непременно!

IV

А раз нежданная беда пришла.
Для государственного, видимо, радения
Указ Екатерина (II) издала:
Все монастырские отнять владения.

Позднее кой-какие острова отдали,
Пески и бор на Вандымском сору
Как будто только что узнали,
Что жизнь на севере — не в солнечном краю.

И монастырь с тех пор пошел к упадку.
Монахов стало мало, и угодий нет.
Епархиальное начальство для порядка
Направило в Синод пакет.

Чтоб опустевший монастырь закрыть.
Монахов передать в другое место ...
Ответ Синода: монастырю там быть,
Но пусть обитель станет женской.

Как птица Феникс, монастырь воспрял,
Познав заботу, труд, любовь,

От женских рук убранством засиял.
И даже школа здесь открылась вновь.

Мать Серафима не по книгам знала,
Как укрепить порядок монастырский.
Здесь было сделано немало,
Что радовало глаз в глуши сибирской.

Кругом цвели цветы, росли рябинки,
Качались сосны, тополя, развесив кроны.
И красным битым кирпичом посыпаны тропинки.
А меж домов зеленые газоны.

Средь зелени вознесся храм
С златыми куполами, белый, как невеста.
Пусть будет память неподвластная векам,
Пусть это будет навсегда святое место.

Январь, 2002 г.

Лесной олень

В сентябре настало «бабье лето».
Солнце в небе, крики птиц и гладь реки.
Прищемило инструмент глубоко где-то.
Не у дел остались все буровики.

Побродив по берегу немного,
Сговорились съездить в Сартанью,
(Благо, что не далека дорога),
А меня оставили одну.

Сторож-манси, взяв ружье, собаку,
В Алтатумп ушел к своей родне.

Ну, а я взяла перо, бумагу, —
Что же оставалось делать мне?!

Написала письма всем, кому хотела.
Начала писать стихи о жизни полевой.
Тихо было. Лишь негромко птица пела.
Вдруг услышала я шорох за спиной.

Замерла. Боюсь и шевельнуться.
Страшно! Кто же мог бы это быть?!
Не успела я и оглянуться,
С крутоярья вниз лесной олень летит.

Выскочил на берег гордо и красиво.
Сам высокий, а рога, что лес густой.
Но увидев человека, вздрогнул и игриво
В лес метнулся, лишь качнув рогатой головой.

2002 г.

Югорский край

Не знал Самар, сражаясь с атаманом,
Какая слава землю его ждет,
Что поезда помчатся по урманам,
Рекою нефть по трубам потечет.

Югорский край, мы выросли с тобой.
Для нас нет места краше и милей.
И округ наш стал кладезь нефтяной,
Достойно свой встречает юбилей.

Сюда спешат послы из разных стран,
Чтоб подивиться на его богатства.

А мы все помним первый газовый фонтан
И помним наше северное братство.

Здесь поднялись красавцы-города.
Цветет Ханты-Мансийск — столица края.
Сияют золотом Героев ордена,
Сынов твоих, Югория родная.

Живи Ханты-Мансийская земля.
Мужай наш округ, умножая славу.
Народ югорский — дружная семья
Гордится своей родиной по праву.

2002 г.

Перевес

Ночь июньская дышит покоем.
Цвет рябин и черемух пьянит.
Кони тянутся к водопою.
Стая уток над речкой летит.

Все кругом в тишине отдыхает.
Отражается в заводи лес.
Вдруг с налета утиная стая
С шумом врезалась в перевес.

Лишь минуту назад свободные
Утки бьются в коварной сети.
Перевес затянул их плотно.
Из него им никак не уйти.

Что за варварство эта охота?!
Уткам время птенцов выводить...

Почему же один из нас кто-то
Может разом их жизни лишить?!

Уток жаль. Но, а что же с нами?
Не такой ли же вот перевес
Нас захлопнул. И мы годами
Бьемся в нем и с надеждой, и без.

1999 г.

* * *

Наша жизнь идет по спирали
И похожа на солнечный день, —
То искрится, сверкает огнями,
То мрачнеет, как облака тень.

А еще на лесную тропинку похожа.
Вьется в зарослях или в цветах.
Но в цветах, — когда ты помоложе,
А в кустарниках, — ты уж в летах.

Повороты ее ты увидишь не сразу.
Она кружит и манит, и дальше влечет.
То окажется вдруг не приметная глазу,
И не знаешь, куда же она приведет.

Так вот мы отправляемся в жизненный путь,
Неизвестной тропинкой шагая.
Чаще все же живем «на авось», как-нибудь,
А порой просто век коротаем.

1998 г.

«Обь»

Серебром украшая просторы родные,
Обь могучая воды несет.
И глядятся в нее небеса голубые.
Славит в песнях сибирский народ.

Как красивы прибрежные склоны крутые
В изумрудах кедровых ветвей.
И купались в Оби купола золотые
Монастырских Кондинских церквей.

Много видела Обь и добра, и печали.
Было все — и князья, и Ермак.
Филофея ладьи ее волны качали.
Пел унылые песни рыбак.

Все плывут и плывут по Оби теплоходы,
Откликаясь гудками в тиши.
И любуемся мы здешним чудом природы, —
Ночи белые так хороши.

Край, богатый лесами и нефтью, и рыбой,
Умножает богатство страны.
И куда ни уехал, и где бы ты ни был,
Нет прекрасней родной стороны.

Май, 1997 г.

Встреча

В его богатой биографии
Есть немало топографии.

Как вспомнится теодолит,
Так сразу сердце заболит.

А вспомнить есть о чем.
Немало Тайгой сибирской прошагал он.
Вел съемки, мерил, профиль метил...
Пока ее он вдруг не встретил.

Вгляделся. «Боже! В чем душа.
Но как собою хороша.
На профиль взять ее придется.
А как строга. Не улыбнется».

Так думал он при первой встрече.
Она, нисколько не переча,
За ним по профилю пошла.
И здесь любовь свою нашла.

Так до сих пор они идут,
Свой профиль жизни пролагая.
Идут вдвоем, не уставая.
Детей взрастили, внуков ждут.

Март, 1995 г.

Храм

За каменным хребтом — Уральскими горами
Лежит Сибирь — чудесная земля,
Богатыми природными дарами,
Своей суровой красотой маня.

Языческою верою довольны,
Старинные обычаи храня,

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека
КО
- 70180 -

Здесь жили племена разумно и привольно,
Не зная даже счет годам и дням.

Но став России краем благодатным,
Сибирь по царской воле стала жить.
И в древней Коде, княжеской и знатной,
Повсюду стали храмы возводить.

И вот среди тайги густой,
На берегу Оби, в столице Коды,
Построен храм во имя Троицы Святой
И много — много лет служил народу.

Прошли века, промчались годы.
Стоит тот храм. Полуразрушен он.
Но проплывают мимо теплоходы,
И будто слышится им колокольный звон.

В обской воде любуясь отражением,
Стоит он — памятник далекой старины,
Как карточка визитная Кондинского селения.
Ему века и бури не страшны.

1995 г.

Песня ветеранов

Вот и повеяло стужей зимы,
Но не стареем по-прежнему мы.
Сердце не мирится с возрастом.
Нет! Сколько бы ни было прожито лет.
Сколько бы, сколько
Сколько бы прожито лет.

Мы молодые душою всегда
И не сдаемся нигде, никогда.
Быстро летят за годами года.
Юностью нашей гордимся всегда.
Юностью нашей,
Ей мы гордимся всегда.

Мы с комсомолом мужали, росли.
С партией трудной дорогою шли.
Надо — мы знали лишь слово одно.
Ночью и днем поднимало оно.
Только оно,
Только оно нас вело.

И завершая свой жизненный путь,
Просим, товарищ, о нас не забудь.
Помни о тех, кто себя не щадил,
Жизнь и Отчизну всем сердцем любил.
Жизнь и Отчизну,
Жизнь и Отчизну любил.

Октябрь, 1992 г.

Семнадцать лет

Семнадцать лет, семнадцать зим,
Семнадцать осеней и весен.
Их быстрый бег не укратим,
Не повторим он и прекрасен.

Семнадцать лет — души цветение.
Семнадцать лет — мечты полет.
Семнадцать лет — ума рождение.
В семнадцать лет любовь грядет.

Прекрасней нет поры на свете.
Жизнь кажется светла, легка.
Она, как тройка. Ты — в карете.
И нет пока лишь ямщика.
И сколько б лет не миновало,
Свои семнадцать — не забудь:
Большой дороги с них начало,
Начало и всей жизни путь.

1982 г.

На Сосьве

Довольно рано Северная Сосьва
Покрылась тонким и прозрачным льдом.
Снег на палатках, буровой и соснах,
Река казалась средь снегов окном.

На ней нет снега. Ветром унесенный
Он к берегам прилег и тихо там заснул.
И тонкий лед, до глянца оголенный,
Как на каток, к себе тянул.

Ко мне зашел мой друг геолог
И пригласил пойти кататься на реке.
Коньков же нет. И в сапогах кирзовых
Мы понеслись по льду, держась рука в руке.

Катались мы, не замечая время,
Шумела буровая в далеке.
Вдруг налетела буря. Мигом потемнело.
Мы заблудились на реке.

За шумом ветра не могли расслышать
Гул буровой и разглядеть огни.
Не знали, на который берег вышли.
И в этой страшной круговерти были мы одни.

Нам повезло. Из мглы вдруг показалась
Упряжка оленей. Она неслась на нас.
Каюр, он и в пургу каюр, и рассказал нам,
Куда идти, и этим нас он спас.

КУГАЕВСКИЙ ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ

Кугаевский Валерий Федорович родился в 1945 году, в городе Ханты-Мансийске. Вместе с отцом, сельским учителем, побывал во многих поселках округа. Семилетку закончил в деревне Елизарово в 1959 году. Затем семья Кугаевских переехала в Ханты-Мансийск, здесь Валерий Федорович учился в первой средней школе до 9 класса. В 1961 году поступил в Тобольское техническое училище по специальности «Лесозаготовительные механизмы», закончил его в 1963 году и одновременно получил аттестат о среднем образовании. После училища по направлению попал в Октябрьский леспромхоз на Яганокуртский лесозаготовительный участок, там проработал по август 1964 года. Затем призван и направлен в 99-ю авиационную школу механиков, окончил ее в 1965 году и служил по 1968 год в рядах Советской Армии. С 1968 года работал в Октябрьском узле связи до выхода на пенсию в 1997 году.

Главные увлечения Валерия Федоровича — охота и рыбалка. С этим связано большинство стихов поэта. С 1968 по 1980 годы регулярно печатался в газете «За коммунизм», несколько публикаций было в журнале «Юность».

* * *

Духовность формируется в семье
С рождения до смертного конца.
Духовен тот, кто сеет на земле
Ростки добра и совесть мудреца.

Духовность не прическа и не мода
Какие мы? Какая наша власть?
Когда на предков Русского народа,
Давно ушедших льется злая грязь.

Лишь в той семье, где внуки помнят деда
Хранится образ брата и отца,
Где Свечка зажигается к обеду
Духовно все, и души, и сердца.

В такой семье преступника не будет
Не вырастет стяжатель и подлец,
Здесь мать никто родную не забудет
И будет окружен теплом отец.

Духовность ни от веры, ни от Бога,
Ни от идей, она лишь есть черта
Земли Российской и ее народа
Все без чего развал и пустота.

Не дать ее народу по указу
Она веками мудрость бытия,
Она приходит к нам не к каждому, не сразу
Исток всего — духовная семья.

* * *

Над полуденной горой
Дуют Ямала ветра
И над таежной Югрой
Осени ранней пора.
Чайки летят за кормой,
За поворотом реки
Город мне с детства родной
Окон родных огоньки,
Значит нам очень близкий
Город этот сибирский,
Город родной, край нефтяной
Вальс Ханты-Мансийский.

За пеленою дождя
В сумерках контуры крыш,
Здесь наших предков земля
Обь и красавец Иртыш.
Здесь уж мороз, так мороз
Если снега, так снега.
Шум белоствольных берез
И вековая тайга.
Значит нам очень близкий
Город этот сибирский,
Город родной, край нефтяной
Вальс Ханты-Мансийский.

Алые грозди рябин,
Желтые листья берез.
Север дыханьем своим
Свежие краски принес.

Отблеск огней на воде,
Плачут в дали журавли
Им не найдется нигде
Лучше чем нашей земли.
Значит нам очень близкий
Город этот сибирский,
Город родной, край нефтяной
Вальс Ханты-Мансийский.

* * *

В местах грибных, да ягодных
За синей речкой Няганью,
За синей речкой Няганью туман.
Встают с рассветом улицы
И городом любуются
Вокруг тайги зеленый океан.

Под зорями багряными
Мы были здесь упрямыми
И автострады строили,
Где промыслы растут.
В местах грибных да ягодных
За синей речкой Няганью
Наш город тоже Няганью зовут.

Горит цветочком аленьким
Газ буровых у Талинки
Не все порою ладится,
Но продолжает жить
В местах грибных, да ягодных
За синей речкой Няганью
Наш город поднимает этажи.

* * *

Родился я в сибирском тихом городе
На берегу седого Иртыша,
Места мне эти очень с детства дороги
Я здесь таежным воздухом дышал.

ПРИПЕВ:
Югорская земля необозримая
Из глубины веков до наших дней,
Югорская земля, земля родимая
Навечно ты в судьбе моей.

Служить я уходил в края далекие,
Там Родине на верность присягал.
Но снились мне вдали снега глубокие
Разливы рек и тундра и тайга.

ПРИПЕВ:
Югорская земля необозримая
Из глубины веков до наших дней,
Югорская земля, земля родимая
Навечно ты будешь в судьбе моей.

Земля моя богата черным золотом
Стальные реки за Урал текут.
Земля моя романтика и молодость
Ханты-Мансийск и Нягань и Сургут.

ПРИПЕВ:
Югорская земля необозримая
Из глубины веков до наших дней,
Югорская земля, земля родимая
Навечно ты в судьбе моей.

* * *

Над полуденной горой
Дуют Ямала ветра
И над таежной Югрой
Осени ранней пора.
Легкий туман над волной
За поворотом реки
Город мне с детства родной
Окон родных огоньки.

ПРИПЕВ:
Сердцу нашему близкий
Город этот сибирский
Город родной, край нефтяной
Округ Ханты-Мансийский.

За пеленою дождя
Видятся контуры крыш
Здесь наших предков земля
Обь и красавец Иртыш,
Здесь уж мороз так мороз
Если снега так снега,
Шум белоствольных берез
И вековая тайга.

ПРИПЕВ: тот же

Алые гроздья рябин,
Желтые листья берез
Север дыханьем своим
Свежие краски принес.

Отблеск огней на воде
От буровых, что вдали
Нет не найдется нигде
Краше Югорской земли.

ПРИПЕВ: тот же

* * *

Не грусти, не беда
Далеко нам до осени
Пусть морщинки у глаз,
Пусть седеют виски
Было трудно всегда,
Но работу не бросали
Потому и живет наш завод у реки.

Люблю тебя Октябрьский наш завод,
Родной причал и матушку реку.
Пусть серебро Обских прохладных вод
За труд наградой будет рыбаку.

Набегает волна, тихо лодки качаются
Набираются вновь с вешалов невода
Мы сегодня туда, где с зарею встречаемся,
Где есть тихие заводи и живая вода.

Люблю тебя Октябрьский наш завод,
Родной причал и матушку реку.
Пусть серебро Обских прохладных вод
За труд наградой будет рыбаку.

* * *

Деревенька Атлым
На излучине речки
Деревенька Атлым на крутом берегу
Здесь дровами смолистыми топятся печки,
Когда все утопает в пушистом снегу.
Деревенька Большой Атлым хороша и весною,
Когда все ручейки вниз по склонам спешат,
Теплый воздух пронизан смолистой сосною,
Да лениво собаки на солнце лежат.
Тальниковые рощи, луга заливные
Набегает волна на прибрежный песок,
Жаркий месяц июль и поляны грибные,
И малина, что просится к нам в туесок
Колыхнулась вода, вот сора обмелели
И мелеет кормилица наша река.
Здесь рыбацкой путины и дни и недели
Начинается ход на отстой чебака.
Вот и осень пришла, в лужах первые льдины
Разноцветьем украсил октябрь всю тайгу.
Жив бы был Левитан, написал бы картину
«Деревенька Б-Атлым на крутом берегу».

* * *

Халапанты, Халапанты
Берег неизменный Оби
Здесь когда-то жили ханты
Все в согласии и любви,
Все в согласии с природой
Жили долгие века,
И катила мимо воды
Обь могучая река.

Нынче нет деревни этой,
Не стоят тут обласки
Тихо сохнут знойным летом
Здесь деревья от тоски.
Здесь не слышно на рассвете
Ржанья вольных лошадей,
Не облавливают сети омутов и заводей.
Халапанты, Халапанты,
Но еще живет мечта,
Что вернутся снова ханты
В заповедные места.

* * *

Летние зори над Обью,
Дремлют в дали тальники.
Я вспоминаю с любовью
Край, где живут земляки.
Берег крутой у причала,
Елей высоких стволы
Всей моей жизни начало
Это село Шеркалы.

Помнятся школьные годы,
Запах рыбацких костров.
Мы из таежной породы
Больше работы, чем слов.
По вечерам возле клуба
Слышится смех детворы.
Крепче могучего дуба
Наше село Шеркалы.

Сколько отцов не вернулось
И в район, и в село.

Здесь проходила их юность,
Столько воды утекло.
Вот фотография деда
Лишь довоенной поры,
Он не вернулся с Победой
В наше село Шеркалы.

Ветром река нас встречает,
Плещет волна серебром.
Выпьем душистого чая,
И вспоминается дом.
Завтра вернемся с уловом,
Жены накроют столы.
Жизни рыбацкой основа
Наше село Шеркалы.

* * *

На Югорской земле города есть большие,
Но для нас нет роднее и дороже чем он.
Здесь веками до нас на земле люди жили
Было княжество «Кода», стал Октябрьский район.

ПРИПЕВ:
Октябрьский район, таежный край родимый.
Земля, где я родился, жил и рос.
Храним любовь к тебе
И к шеям лебединым
Под окнами невестушек берез.

Заливные луга и таежные дали
Здесь рыбацкие лодки, там огни буровых,
И дороги в болотах,

И тепла магистрали —
Это жизни страницы
Лет твоих трудовых.

ПРИПЕВ:
Октябрьский район, нет ничего дороже.
Югория моя, нет ничего родней
Здесь поколений труд
С теплом сердец положен
Из глубины веков до наших дней.

Юбилей твой район отмечать будем вместе,
Вспомним трудные годы и счастливые дни.
Будет верность хранить и в работе, и в песнях,
Не погаснут над Обью в наших селах огни.

ПРИПЕВ:
Октябрьский район, таежный край родимый.
Земля , где я родился, жил и рос.
Храним любовь к тебе
И к шеям лебединым
Под окнами невестушек берез.

ШЕСТАКОВА ВАЛЕНТИНА ИОСИФОВНА

Шестакова Валентина Иосифовна — учитель русского языка и литературы Нарыкарской национальной средней школы Октябрьского района. Стихи пишет с детства. Печаталась в районных, окружных и областных газетах, в журнале «Югра».

Вот какие слова написал о ее творчестве член Союза писателей России Сергей Сметанин: «Читателя ждет радость знакомства с личностью поэтически одаренной. Воспоминания детства, размышления о жизни, женской судьбе, современности воплощения у Валентины Шестаковой в лирические стихи так органично, как будто для нее это единственно возможный способ выражения. Она легко и непринужденно делится с читателем своими задушевными переживаниями, облекая их в энергичную и ясную форму».

Тяготение к классике прослеживается в афористичныхконцовках некоторых стихотворений, в выборе живописной детали образа, в попытках новой разработки «вечных» тем.

Автор редко берется за прямое изображение фактов своей биографии. Не спешит она высказаться и по поводу сиюминутных впечатлений, набившей оскомину «злобы дня». Поэтическое освоение действительности связано для нее больше с художественностью, чем с документальностью.

Тем притягательнее делаются строки стихотворений «Тундра», «Меня взрастил и выкормил раздольный...», «Волчица», в которых изображены картины Севера. «Круговорот», «Любовь и Красота», «Жизнь», «Что есть душа?», «Сыну», «Ломают дом» — стихотворения философичные. Впрочем, любовью к мудрости пронизаны и многие другие произведения Шестаковой. Это помогает автору избежать

скучного повторения расхожих банальностей, чем грешат многие новички в поэзии.

Свежим представляется подход к женской теме. Собственно, автор не выделяет ее, как и не навязывает своего решения других важных проблем. Интереснее, пожалуй, то, что налицо не «женская поэзия» как таковая, в отличие от поэзии «мужской», если так можно выразиться, а владение поэтическим способом мышления, которым может гордиться любой поэт.

Сергей Сметанин,
член Союза писателей России.

* * *

Мой древний Север, из каких сказаний
Ты белой былью в жизнь мою вошел?
Как дар судьбы ловлю твое дыханье
И кутаюсь в метельный легкий шелк.
Люблю твои нехитрые просторы,
Звенящий купол выстывших небес,
Разубранный сияньем, как узором,
Наряды юных северных невест.
Люблю весну неторопливо талой,
Дневной уют в шатре твоих ночей,
И желтую осеннюю усталость,
И сумерки коротких зимних дней.
Как дар судьбы ловлю твое дыханье
И кутаюсь в метельный легкий шелк.
Мой древний Север, из каких сказаний
Ты белой былью в жизнь мою вошел?

* * *

Природа человека создавала
Для тех же целей, что и муравья,
Зверье и червя горного архара,
Коровку божью, белку, журавля.
Но крикнул человек: «Как собиратель!
Нет, путь мой славен, а удел высок —
Я сеятель, а значит, созидатель —
Жить не хочу, как червь, хочу, как Бог.
Быть существом желаю социальным,
Исследовать и небо и моря».
Он вообще-то, сыном был нормальным,
Пока не понял, что такое «Я».
И взял себя засамопрограммировал —

Наказ природы-матушки не в счет:
Изобретал и экспериментировал,
Он создал паровоз и самолет,
Вершины гор изведал, дно морское,
И в космос вышел, добыл нефть и газ.
Он жил в борьбе, отвергнув мир покоя,
И рисковал, и погибал не раз,
И воскресал, шел злым ветрам навстречу,
Кто он — дитя природы или Бог?..
Уставшему, ему шепнет под вечер
Березка: «Ты б одумался сынок»...

Песня об Октябрьском крае

Там, где рощи берез белоствольных,
Оживляя простор голубой,
Словно стайки подружек веселых,
Выбегают на берег крутой.
Строгим кедрам, красавицам-соснам
Машут радостно сочной листвой.
Выйду к ним по весне утром росным,
Закружусь в карусели лесной.
А птицы над Обью играют зарю,
И утро встречая, я с ними пою.
Я пою об Октябрьском крае,
Где любовь повстречала меня,
Где у юности в дар принимает
Моя зрелость частицу огня.
На земле этой благословенной
Предок мой свою тропку топтал,
Чтобы стать ей дорогою верной,
Он мне землю любить завещал.
Над Обью-рекою алеет рассвет,

Я верю, что лучше земли в мире нет.
Разлила свои синие воды
Величавая Обь — это к ней
Прихожу, чтобы беды-невзгоды
Утонули в речной глубине.
Обь утешит полуденным ветром,
Заворожит могучей волной.
Если грустно — одарит приветом,
Если радость — ликует с тобой.
А годы над Обью как воды текут,
Они мою грусть навсегда унесут.
Над Обью, над Обью года, как вода.
С ней горе — не горе, беда — не беда.

* * *

Нам столько в жизни доброго дано,
Но разве можно передать словами.
Смотри, опять в раскрытое окно
Ночь заглянула детскими глазами.
Луна волшебным светом с высоты
Посеребрила волны у причала,
Звезда летит, чтобы сбылись мечты,
Но в чью ладонь она опять упала?
Штурмует ветер робко старый дом,
И оживает ветхая калитка,
И скрип нехитрый в воздухе ночном
Звучит призывно, словно плачет скрипка.
В такие ночи не страшна беда,
А молодости — ни конца ни краю.
И пусть в ладони падает звезда
В счастливые, чужие — я прощаю.

Огонь в тайге

Сначала он был искоркой невинной,
Скакал по веткам, брошенным в костер.
Наивный, как чертенок, ловок, скор,
Потрескивал в костре корой осинной.
То вверх взмывал, дразнился языками,
То под сырым поленом затухал,
Потом опять, как бабочка порхал
Над сложенными ветками, дровами.
И тень в урманы тихо уходила,
Тайга дышала мимолетным сном,
Лишь изредка невидимым крылом
Ночная птица тишину будила.
Когда ушли бродяги, на рассвете,
Он глянул осторожно из углей,
Добрался бойко до сухих ветвей —
А там его понес по свету ветер.
Родился зверь, ревел, бесился, выл —
Против него бессилен человек,
Владеет им уже который век,
Но до сих пор его не покорил.

* * *

Все небо в ярких сполохах огня.
Горит костер зари в рассветной рани,
И озеро лежит ковшом желаний —
Испей, — зовет, — испей же из меня!
И манит лучезарною волной,
И отражает дальних гроз зарницы.
Сюда со всех концов слетелись птицы
Жар крыльев остудить живой водой.

И мне бы так, и мне бы остудить
Любви пришедшей муки и восторги.
И к озеру, свернув на полдороги,
Припасть и пить зарю,
Припасть и пить.

ВОЛЧИЦА

Обложили волчицу
Внезапно
Безжалостно,
С ходу —
По бокам, впереди
Чёрной мушкой в зрачок
Смотрит смерть.
Позади — злое буйство реки,
Злая вера в свободу,
Тень мечты, луч надежды
И боль — только не умереть!
Обложили волчицу,
Загнали, в кольцо окружая, —
Из кустов, из травы,
От столетних сосновых стволов
Смотрит холодом смерть
Беспощадная,
Только у края —
Пятачок, клок земли
И желание — не умереть!
Оглашенная, глупая,
Что ей сулят эти воды?
Что зовет ее броситься
В этот безумный полет?
Клич беды? Дар судьбы —

И глоток той желанной свободы!
Лязг затвора — не радости рык.
Это смерти захлёст...
Тело медленно-медленно
Падало в мутные воды,
В потемневшее небо
Метнулся затравленный взгляд —
Там серебряной пылью
Мерцали и плакали звёзды,
Как глаза её маленьких
Осиротелых волчат.

* * *

Тайга всегда была для нас надеждой —
Вглядись в давно прошедшие года,
Все от нее: жилище и одежда.
Все от нее: тепло, уют, еда.
До белокаменных дворцов столичных
От низких незамысловатых юрт
Осетровый, соболий и брусничный
Извечно пролегал таежный путь.
И пачкали дворянские кокетки
Брусничным соком белые персты.
Роскошный быт вельмож великосветских
Бледнел от дикой этой красоты.
Но времена менялись вместе с нами.
Сегодня мы в тайгу свою пришли
Не только за таежными дарами —
За «черным соком» матушки земли.
Земля щедра, богата нефтью, газом —
Кто добыл их, тот сам себе кумир.
А из травы глядит багровым глазом
Дитя тайги. Как хрупок этот мир!

И как всесилен зверь с железным следом,
Врезаясь носом в старый бурелом,
Безжалостно ползет по древним кедрам,
И рушится легко брусничный дом.
Не скоро время быль покроет мохом —
Тайга лечиться будет много лет.
И кажется, что не брусничным соком,
А кровью отпечатан этот след.

СЕНТЯБРЬ

Ещё земля не стынет под ногами,
И можно пробежаться босиком.
Но осень уж пугает сквозняками,
Тоску наводит затяжным дождем.
В сорах обсохших выцвела осока,
Свежеет ветер, обостряя слух,
Над Обью утром сизой поволокой
Лежит тумана лебединый пух.
Уж листья у березы пожелтели,
Повыцвел полушалок у ольхи.
Все гуще листопадные метели,
И холоднее вечер у реки.

СЕВЕР

Мой древний Север, где твои истоки?
Какой же силой ты влечешь меня?
Через судьбу мою прошли дороги
Твоей земли. У твоего огня
Присаживаюсь обогреть ладони,
Послушать шум костра в ночной тиши,
И рыжий пламень бережно уронит
В мою ладонь искру твоей души.

Она взмахнет крылом — ночная птица —
Рожденная костром в живом огне,
В волшебное сиянье превратится,
Откроет лик загадочной Мисне
И оживет в мансийской мудрой сказке,
Зарей рассветной обагрит тайгу,
Рассеются легко ночные краски
И серебром полягут на снегу.
Из года в год я открываю тайны
Твоей земли, твоих болот, снегов,
И счастлива, что в горе и отчаянье
Мне греет сердце шум твоих костров.
Что в роковое, горькое мгновенье
К их прикоснусь теплу, как к божеству —
И жизнь опять приобретет значенье,
И верю вновь, мечтаю и живу.

ЛЕДОХОД НА ОБИ

Река шумела величаво и зловеще,
Теснились льдины, друг на друга наползая,
Исполосованная сетью рваных трещин
Шипела, черною водою закипая.
А глыбы льда, ломаясь, гневно скрежетали,
Дробились, дыбились и с грохотом кружились,
Мильоны брызг над ними веером взлетали,
Они семью цветами радуги искрились.
Реки извилистое тело билось в муках,
Оно меж рваных берегов своих металось,
Ревело, выло. Представлялось: в этих звуках
С великой болью что-то важное рождалось.
А после птицы будут ждать прихода лета,
Деревья весело зашелестят листвою.
Придет опять тепло, и кажется: все это
Дано земле твоей за муки рек весною.

АЛЫ ПАГЫЛ

Здесь бродит память босыми ногами.
Стоит в росистых травах по колено.
И белыми июльскими ночами
Вдыхает запах пустоты и тлена.
А чуткий воздух давних звуков полон:
Собачий лай, счастливый смех влюблённых,
И детский, неподкупный, громкий гомон
Кружится в соснах, будит сладкий сон их.
Здесь в Алы Пагыл жили люди прежде,
Блюдя закон, храня обычай древний.
Здесь был приют любви, приют надежде,
А нынче дом «ничейный», двор «ничейный».
Здесь все в полон захвачено разрухой:
Постройки наклонились косо-криво,
Над остовом печи стоит старухой,
Качаясь, вездесущая крапива.
Ей закрывать последние странички
Иссякшей жизни-книги о забвенье...
А радостное утро по привычке
Благословляет «новый» день деревни.

* * *

Нарыкарами назван наш поселок,
Мол, жил здесь очень «бедный человек»,
Прапрадед наш — толкуй хоть целый век
И много сыщешь разных растолковок.

А я хочу о первом человеке
Вам истинную правду рассказать:
Пришел сюда он жить, детей рожать
В семнадцатом еще далеком веке.

В какие дебри пролагал маршруты, —
А здесь возвел жилище и чувал,
Улов свой первый богу в дар отдал,
Назвав приют Нарыкарские Юрты.

Трудился, жил и множил свой народ,
Охотой промышлял и ставил сети,
И счастлив был на этом свете,
И горд за свой вогульский славный род.

Он принял христианство, но богам
Своим был верен. Чтит их и сегодня:
Его хранит и Николай Угодник,
И Торум шлет удачу рыбакам.

Нарыкары — мол, «бедный человек»
Он стал бы бедным, если б жил безликим.
А наш далекий прадед был великим,
Коль мой поселок жив четвертый век!

ПОНОМАРЕВ ГЕННАДИЙ СЕРАФИМОВИЧ

Родился в поселке Большой Камень Октябрьского района в 1948 году. В семье Пономаревых было 4 детей, Геннадий был самым старшим ребенком.

С 1955 года по 1963 год учился в Б-Каменской восьмилетней школе, затем с 1963 по 1966 год в Октябрьской средней школе. Служил в армии с 1969 по 1971 г. После армии вернулся на Родину, где работал в Обском леспромхозе освобожденным секретарем комитета комсомола.

С 1971 по 1977 г.г. — заворг райкома комсомола, второй секретарь РК ВЛКСМ, инструктор райкома партии.

В 1979 г. закончил исторический факультет Уральского госуниверситета.

Десять лет проработал военруком в Приобской средней школе, был директором школы, заведующим РОНО.

В настоящее время помощник главы местного самоуправления Октябрьского района.

Стихи начал писать рано, но острая потребность в творчестве появилась в армии. Яркие, сильные ощущения одиночества, тоска по родным краям и людям стали основными темами творчества Геннадия Серафимовича. Каждый период жизни определял новые направления лирики поэта. Он пишет о родных местах, в которых родился и жил.

В его стихах читатель увидит философа и поэта одновременно. В стихах автора много грусти, но есть и светлая надежда, огромная сила любви и жизни.

* * *

В строй пришел я безусым мальчишкой,
С любопытством смотрел на солдат, —
Раньше знал я о них понаслышке,
И в руках не держал автомат.
Время вихрем меня закружило.
Вдалеке от родного села
Я вбирал ту волшебную силу,
Что отцов до Берлина вела.
Да, порою мне было не сладко,
Но характер отмыт до бела, —
Не по возрасту первая складка
Над бровями неровно легла.
В те, суровые будни ненастья
Возродил я в душе идеал, —
Командир мне и в горе, и в счастье
Руку в нужный момент подавал.
И еще, я признаюсь вам честно,
Под метелью, под солнцем, дождем
Помогали мне строчки из песни:
«Вы служите, — мы вас подождем».
Вот и все. И пора расставаться,
Только что-то стесняет мне грудь,
Я хочу на часок задержаться,
Оглянуться на пройденный путь.
И в весеннем разливе акаций
Вижу тех же безусых юнцов,
Дети Родины, дети всех наций
Понесут эстафету отцов.

Маме

Уже за полночь, чуток сон солдатский
Им снятся милые, им снится дом родной,

А дома ждут их верные «солдатки»,
И мать вздыхает в тишине ночной.
Грусть затаив, извечный спутник вьюги, —
— Февральский ветер загудел в трубе...
Тоска... тоска... о самом лучшем друге,
Тоскую я, родная, по тебе.

К месту службы

Под монотонный колес перестук
Вчерашний припомнился вечер
Прощанье, наказы, здесь каждый мне друг
Но сердце никто не залечит,
Ведь сердце с тобой, а ты так далеко,
Судьба не жалеет нас,
Два года разлуки... и как нелегко
Не видеть любимых глаз.

Весна

Утверждаясь заново,
Набирая силу,
Белый зимний занавес
Солнцем растопила.
Разменяла серебро
Пятаками меди,
Разбудила дерево,
Старого медведя.
Деда бородатого
Вывела из дому,
Подставляет бороду
Солнышку крутому.

И меня задела
Тонкою струною,
Все хожу без дела
Милой стороною.

Песня о рыбаке

Пусть ветер свищет,
И волны пляшут,
И чаек тревожен стон, —
То наша рыбачья,
То наша удача,
Рыбак вернулся в дом.

Любимые руки твои ласкаю
Тепло их меня хранит,
В безмолвии нежном
И чувства безбрежны
И вечны как камень-гранит.

Я знаю, что скоро,
Опять над волною
Поднимется мой баркас, —
Один с океаном
И мне талисманом
Лучистый взгляд твоих глаз.
Пусть ветер свищет
И волны пляшут,
И чаек тревожен стон, —
То наша рыбачья,
То наша удача,
Рыбак вернулся в дом.

Незнакомка

Шел просто так, посмотрел просто так,
Но ты обернулась, сказала: «Чудак».
Теперь я не сплю, ты тоже не спишь,
В ночной полумрак со слезами глядишь.
А город большой, город слишком большой,
Как встретиться в нем — двум с единой душой
Быть может мне просто подняться к Луне
И ты прилетишь, услыхав обо мне?
Иль лучше, иль лучше на Марс залететь,
И с Марса тебе серенаду пропеть?
Иль тысячу раз прокричать в телефон:
«В тебя, незнакомка, навеки влюблен!».

* * *

Березки стройные, невесты нежные,
Людского счастия вы лишены,
Укутав ноженьки в перину снежную,
Вы словно пленницы у тишины.
То мгла вечерняя меж вами стелется,
Скрывая милого от чутких глаз,
То запоет опять метелица
Разлуки гимн... в который раз!
Вы красотой своей, порой вечернею
Вселяли мужество и страсти пыл
И в грудь художника, и в грудь кочевника,
И в сердце милое, что я любил.
Любил, а легче ли, к вам руки тянутся,
Вы мне уроните росинки слез
И я, как падший, отпетый пьяница,
Приму бальзамом их от страшных грез.

Лебеди

Тихим шелестом крыльев тишину разбудили
И цепочкой жемчужной пронеслись в вышине
Ой, вы, милые лебеди, неужели забыли,
Улетая на Родину, в этот миг обо мне.
От чужих берегов улетел бы я с вами
Через горы, моря и болотную топь,
Ой, вы, милые лебеди, моей старенькой маме
Передайте привет на далекую Обь.
Лебединая песнь над землей расплескалась
И угасла вдали..., грудь сдавила тоска.
Предрассветной росою заря умывалась,
Только мне не отмыть серебро на висках.

* * *

Я вижу мимолетное видение, —
В лучах весны вдруг появилась ты,
Как я хотел бы стать твоею тенью,
Чтобы беречь любимые черты.
Твое дыхание мне ласкает губы,
Тревожит душу свет печальных глаз,
Прости, родная, если был я грубым,
То было первый и последний раз.

* * *

К чему безумные страданья
Надеждой ранят сердце вновь?
К чему, как нищий подаянье
Твою вымаливать любовь?
К чему потупленные взоры
И душ мятущихся обман?
И тяжесть приглушенной ссоры,
Когда цена любви — карман...

Песня о первой любви

Скорый поезд мчится,
Ты в весеннем ситце,
Вновь нельзя влюбиться,
Я уже седой.

Это мне не снится, —
Ты в весеннем ситце.
Как могло случится,
Праздник — да не мой?

Все давно уж ясно,
Скажешь ты напрасно,
Юности прекрасной
Сердце пело гимн.

Будь же небо ясным,
Будь весь мир прекрасным!
Я в пути ненастном
Остаюсь один...

Письмо к С. Есенину

Сережа, друг, хоть ты бы встал из тлена,
И, пригубив шампанского со мной,
Помог мне вырваться из суетного плена,
Помог понять, кто свой, а кто чужой.

Я не могу смотреть на эти лица,
Надменные, довольные судьбой, —

Так может плесень в сердце появиться,
Могу забыть, что начато тобой.

И вслед за мной забудут все плебеи,
Что жизнь одна и смерть одна у нас,
А пред концом, от ужаса немея,
Они завоют в свой предсмертный час.

Все хорошо! И жизнь у них прекрасна!
О, господи, ты дай еще вздохнуть!
Но ни один не скажет, что напрасно
Он гадом проползал по жизни путь.

А впрочем, ну их, я б послал по пьяну...
Жалею, Серега, лишь о том, —
Не видел, друже, ты мою «Татьяну»,
Куда там Лариной! И Пушкин был шутом...

Ты плакал у любимых на коленях,
Пока угар кабацкий не прошел,
Я плачу в одиночку, сожалея,
Что я Татьяну раньше не нашел.

Я знаю, ты молился богу,
На милый образ я ее молюсь,
Сними ж, Серега, траурную тогу!
Жива еще, жива, Серега, Русь!

Прости, Сережа, может это нудно,
Но ты любил, и ты меня поймешь,
Как в жизни одному бывает трудно,
А если любишь, — значит и живешь!

* * *

Что жизнь? — Игра в руках обмана,
Мораль страшна. А может быть
Я это понял слишком рано,
И не могу никак забыть?

Когда-то в юности туманной,
Я Вас не мог иначе звать,
Лишь как любимой и желанной,
Вы ж не смогли меня признать.

О дружбе преданной и нежной
Вы предпочли не вспоминать,
Чтобы казаться безмятежной
И пред судьбою не страдать.

И Вам протянутую руку
Холодный взгляд остановил,
Ну что ж, спасибо за науку,
—И все же видит бог — Любил!

Я Вас любил, любовь быть может...
О, Пушкин! Добрый мой поэт!
Кровавой пеной след проложит
По сердцу память, ...страшный след...

Эпитафия

Внемли,пиит!
Пегас копытом
Из молчаливого гранита
Не выбьет боле
ярких брызг...

Перо злаченное потускнеет
И чувства притупятся болью,
Всепожирающею молью
Истлен твой
будет труд.

Доколе веки не подымешь,
Не возмутишь в застое воду,
И мысли, сердце для народа,
И кровь до капли
не отдашь!

* * *

Пусть сердце комсомольское в груди
Пылает жаром до последних лет, —
У нас еще две жизни впереди,
А может три, и мы несем ответ.
За юность, опаленную в боях
И сохранившую тепло до наших дней,
За хлеб насущный на родных полях
И за любовь, за наших сыновей.

КАЮКОВ ЛЕОНИД МАТВЕЕВИЧ

Родился в п.Октябрьское Ханты - Мансийского округа в 1929 году 18 июня. Работал в объединении Сергинолес, мастером леса. Стихи писал давно, но нигде не печатался . Пенсионер с 1984 года. В настоящее время живет в п. Приобье.

Осень

Под окном с рябины листья облетают.
Из родного края птицы улетают.
Дни угрюмей стали.
Небо цвета стали.

Легкая тревога душу наполняет,
Дальнюю дорогу мне напоминает.
Снежные крупинки землю покрывают
И природа вянет, словно засыпает.

В беспорядке кружит стая журавлей,
Продвигаясь к югу с родины своей.
Беспокойным криком осень призывают.
Их с тоскою в сердце взглядом провожаю.

Что- то в этом крике неземное слышу,
Как я рад, что вовремя на крылечко вышел.
Прилетайте милые в край родной.
С песней журавлиною, с солнечной весной.

25.09.94.

Такая жизнь не каждому дана

Как по камням скользят речные воды,
Так моя чуткая душа
От сердца произносит оды
При мысли этой мне легко дышать.

На склоне лет я сохранил поэта сердце
Такая жизнь не каждому дана,
На сердце есть осадок перца,
Пусть жжет, ведь жизнь у нас одна.

Меня ничто не остановит
Шагать по жизни, по земле.
Пусть жизнь меня к могиле клонит
Все это чуждо, не по мне.

Боготворю закаты солнца,
Восходу радуюсь вдвойне.
Люблю мечтать возле оконца
Иль прогуляться при луне.

15.06.76

Откровенье

Расскажу я тебе в стихах
О прошедших годах, о любви.
Не сказать в этих двух строках,
Как младые годы прошли.

Но скажу я тебе родная,
Что любил незабвенно тебя.
У любви не бывает края.
Человек умирает любя.

Говорят, что любовь проходит.
Ложь, поверь мне, и клевета.
На дорогу любви выходит,
К сожалению иногда.

Настоящей любви не помеха,
Не тайфун и не ураган,
Кто любовь считает утехой
В том я вижу любви врага.

Не считаю преградой старость
Лишь с годами любовь сильней
В этом я вижу жизнь и сладость,
Повествую тебе о ней.

Много женщин встречал я в жизни
И притворно я их любил
В этих черных случаях выжил.
Но поверь мне, тебя не забыл.

Как стук часов твое сердце
Слышал в метель и в пургу
Хоть винить меня слишком не в чем
Все равно пред тобою в долгу.

22.06.79

Встреча

Как долгожданная весна
Впорхнули мы в мою обитель
Я словно бы очнулся ото сна
Вас милые, родные, вас увидев.

Как облачко в безмолвии высот
Вершины строгих гор ласкает.
Мою мечту лишь в даль зовет
И за горами пропадает.

Как вы вечернею порой,
Лишь сердце радостно наполнив,
Покинули, нарушив мой покой,
О детстве, юности и старости напомнив.

Вы тяготясь к родному очагу,
Вздремнуть под кровлею моей не захотели,
Как птицы, отдохнувши на лугу,
Взмахнув крылом надолго улетели.

30.06.84

Достойно проживу свой век

Опять в душе моей мятежной
Сомнению нашелся уголок.
Поступок в жизни безнадежной
Меня в раздумие увлек.

Сияло солнце в небе ясном
И потускнел вдруг небосвод.
Я знал с огнем шутить опасно.
Всего предвидеть я не мог.

Я откровенен был с тобою
И ничего не утаил,
Жестока ты была со мною,
Мне белый свет уже не мил.

Упреки, тысячи претензий,
Ненужная, жестокая мораль
Уж переполнили терпенье,
Потоки льются через край.

Пойми, я роботом не стану,
Во мне заложен человек.
И на колени я не встану,
Достойно проживу свой век.

09.05.96

Наедине с природой

Опять с тобой я милая природа,
Тебя я каждой клеткой ощутил
Здесь тишина, здесь нет народа.
Опять к тебе я свои мысли обратил.

Поставил сеть в определенном месте
Поймал я рыбу на уху.
Разжег костер на берегу под вечер,
Расслабился и глубоко вздохнул.

Глядел я на нетронутые ветви.
Еще никем не смятую траву.
Таких не много уголков на свете,
Это не сон, все было наяву.

Я в сотню раз испытывал смятенье,
При виде вандализма над тобой.
Природа, божие творенье,
Ты с человечеством давно вступила в бой.

Из раны на стволе, как из живого тела,
Стекает сок, а я в нем вижу кровь.
Течет и никому нет дела.
А где-то наносят раны на деревьях вновь.

Не скажет дерево о том, что ему больно.
Молчит река при сливе нечистот.
Сказал бы громко кто-нибудь, довольно!
Конец когда-нибудь насилию придет?

10.07.97

Полет чайки

На деревьях почки быстро набухают.
Все еще природа дремлет, отдыхает.
Лишь на солнцепеке зелень появилась
Скромно, извиняясь, что поторопилась.

Ото льда очистилась быстрая река,
Волны ледянящие лижут берега.
Под улыбкой солнечной растворился лед,
Совершает чайка над рекой полет.

Я в полете чайки вижу нашу жизнь.
То волны касается, то взмывает ввысь,
То она бросается камнем с высоты,
То парит над берегом, обогнув кусты.

26.05.97

Зима

Зима, морозы жмут под сорок,
Короток день, во мгле рассвет.
Декабрь прошел, а значит скоро
Весна пришлет скупой привет.

Дни станут дольше и светлее.
Блеск хладных солнечных лучей
Чуть-чуть нам души отогреет,
Зажжет в снежинках тысячи свечей.

Снег загорит огнями изумрудов,
Заставит жмуриться глаза.
Они болеть порою будут,
Порою скатится слеза.

Но что милее солнечного света
И долгожданного тепла.
Милей весны и краше лета
Еще природа нам дала.

09.01.98

Пусть вечно небо будет синим

Пою тебе, моя Россия,
Люблю такой, какая есть.
Всегда душою ты красива,
Да и заслуг твоих не счесть.

В твоих просторах величавых
Великодушие, размах.
Любовь в обожествленных чарах,
Святая щедрость в закромах.

Ты на колени не вставала
Ни перед каким еще врагом.
Враг нападал, мечи ковала
И не мечтала о другом.

Как сохранить былую славу,
Чтоб понял враг, с кем в бой вступил.
Чтоб бить рука не уставала,
Чтоб враг попранный отступил.

Опять в застольях тешат души
Слепые скопища волчат.
В мечтах покой тебе нарушить,
Порушить вечный твой очаг.

Они давно уже готовы
Для волка логово продать.

Но это для тебя не ново,
Всем ясно, кто может предать.

Под мышкой с камнем, расточая
Улыбки ложные тебе,
В беседе за стаканом чая
Не скажут правду, хоть убей.

Не будь доверчивой, Россия,
Семь раз отмерь, потом отрежь.
Пусть вечно небо будет синим,
А для врага закрыта брешь.

04.10.98

КУДРЯШОВА НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

Родилась 18 ноября 1975 г.

г.Миньяр Челябинской обл., русская.

С 1982 по 1990 г.г. — учеба в Перегребинской СШ № 1.

С 1990 по 1994 год — учеба в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище, специальность — учитель начальных классов в общеобразовательной школе, в 1999 году закончила Ишимский педагогический институт.

С 1994 г. работает учителем начальных классов в Перегребинской СШ № 1. С 1999 г. зав. по воспитательной работе. Замужем. Воспитывает сына.

Песня «Поселок судьбы»

Музыка и стихи Кудряшовой Н.В.

1 куплет:

Здесь, у нас, в Перегребном рано солнце заходит.
Здесь, у нас, в Перегребном зимой ночи длинней.
Здесь, в родном Перегребном наша молодость бродит.
Здесь, у нас, в Перегребном стали мы все взрослей!

Припев:

В этом, богом, забытом краю!
Здесь в Сибири поселок есть.
В нем я встречу судьбу свою,
Знаю, ты где-то здесь!

2 куплет:

Над красавицей Обью снова птицы летят домой
И над синей тайгою слышен их громкий клич.
Да, я знаю, с собою вы на крыльях весну принесли.
Птицы, вы подскажите, как любовь мне сберечь!

Припев тот же:

3 куплет:

Вместе встретим рассветы и проводим закаты.
Верю, будешь беречь ты красоту этих мест.
Ни о чем не жалея, дай бог, жить без утраты,
Не растратив души чистоты, будешь счастлив и ты!

Припев тот же:

* * *

Как можно так, родная?
Себя нисколько не беречь,

От тех страстей, разочарований,
От тех, совсем никчемных встреч.

Кто это ценит? Кто, родная?
В наш скорый, шумный, смутный век?
Ты хочешь рыцаря в доспехах?
Где молодой твой человек?

Тот, кто, пожалуй, и захочет
Тебя в свой замок пригласить
На год, на месяц, на неделю,
Годков на 10?.. Погостить...

* * *

Да, все прекрасное, наверно, в сказках,
А в жизни лишь, надежда на себя.
Так, не дождавшись солнца, ласки,
Я взяла чемодан и ушла от тебя.

А ты не заметил, что вдруг
Стало пусто, что тихо и грустно стало вокруг.
Вот так и расходятся люди чужие...
Без слез и обид, мой бывший... супруг.

Попутчик

Как хотелось в тебе раствориться,
Утонуть в океане любви,
Как могло все так быстро случиться,
Что разлука пугала вдвойне.

Ты рассказывал мне анекдоты,
Ты смеялся, шутил и смешил.

А колеса стучали тревожно:
«Без тебя я не жил, не любил!».

«Мой попутчик, со мной оставайся,
Будет радостно нам и светло», —
На мои ты слова улыбался,
Так задумчиво глядя в окно.

* * *

Поцелуи, объятья те, что дарил мне,
Как одной из многих,
Не задумываясь и не щадя —
Душу раненную недотроги.
И беседы о тех, что до меня
Значили в жизни много так,
Что забыть их уже нельзя никак,
Память— злодейка,
Разум — простак!

* * *

В купе уютном, лаская взором,
Ты показался мне таким знакомым...
Казалось, встреча была не первой,
Что мы всю жизнь друг к другу ехали.
Столкнувшись в поезде с маршрутом верным,
Ты уезжал со мной на Север...

* * *

Где ходишь, счастьице мое?
Какой тропой опять обходишь?
Зачем все дальше от меня,
Такой упрямый, милый бродишь?

А я все жду в полночной тьме,
Когда войти ты соизволишь — в мои покои,
В этот рай, где без меня уже не сможешь...
Не сможешь жить, дышать и петь.
Грустить, мечтать и радость видеть.
Не в этих звездах, что над нами,
Не в тех снегах, что под ногами,
Не в этом зареве зари,
Не в яркой полосе заката.
Когда с тобою мы одни —
Нам больше ничего не надо...

* * *

Как бездомная кошка,
Я иду в темноту
Этих осенних дорог.
Я иду не спеша, лишь к тебе одному,
От последних своих тревог.

Я войду в твою комнату.
Тепло, полумрак —
Засну, прижавшись,
Согревшись — вот так.
Я от тебя никуда не уйду,
Жаль, что ты не поймешь никак...

ЗЕЛЕНИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Коренной сибиряк Зеленин Александр Александрович родился 25 июня 1936 года в Тобольске. После окончания Тобольского лесотехнического училища работал в городе Сургуте на добыче рыбы, заготовке льда для рыбоконсервного комбината, лесоповале. В 1958 году поступил в Тобольский рыбтехникум и по окончании его в 1961 году приехал в поселок Аксарка Ямало-Ненецкого округа с дипломом техника-механика по добыче рыбы и морского зверя. До середины 1966 года занимал здесь должности начальника рыбучастка и старшего инженера по добыче рыбы и морского зверя, затем работал старшим инженером по добыче рыбы на Октябрьском рыбозаводе. В апреле 1977 года перешел в редакцию районной газеты «За коммунизм», где заведовал промышленным отделом, а в 1983 году вернулся на рыбозавод. В 1991 году вышел на пенсию. Живет в поселке Октябрьское.

Опубликовал в местных газетах Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, журнале «Югра» десятки зарисовок с описанием собственных наблюдений в природе, статей на темы культуры коренных народов Севера, истории населенных пунктов и предприятий. Участвовал в пополнении коллекции Октябрьского краеведческого музея.

Наше древнее село

Примерно лет четыреста назад
Вниз по Оби спускались казаки.
И, очарованные местною природой,
Обосновали крепость у реки.
Вновь над рекою гуси пролетают,
А я стою на каменистом берегу
И казаков тех ясно представляю,
Но вот помочь уже ничем им не могу.
Река нас красотой своей ласкает,
Бывает, что, как зеркало, блестит.
А то крутые волны раскачает —
Да так, что в воздух пена с них летит.
Вновь над рекою гуси пролетают,
А я стою на каменистом берегу
До горизонта стаю взглядом провожаю
И ничего с собой поделать не могу.
От нас в Европу нефть и газ качают,
И в факелах горит попутный газ.
Видать, не зря же наш поселок называют
Таким российским словом, как Октябрьск.

Одной пулей — двух медведей

Кажется, чего проще пристрелить попавшегося в капкан крупного зверя — медведя или лося: прицелился по убойному месту, трах!.. и зверь падает замертво. Ан нет! Иногда мечется бедолага из стороны в сторону, стараясь вырваться из неволи. И браконьер иной растратит десяток пуль, прежде чем добьет его. Ружья у таких горе - охотников ни разу не чищены, с раковинами в стволах, патроны заряжены с помощью мерки, взятой у соседа. Да и руки дрожат от азарта и жадности — вон какой крупный трофей!

Я же хочу рассказать о прямо противоположном, действительно, невероятном случае, который, пожалуй, можно занести в Книгу рекордов Гиннеса.

Произошло это лет двадцать назад. Жительница небольшого таежного поселка (сейчас там подсобное хозяйство нефтяников) 69-летняя ханты Ульяна Ерныхова решила добыть себе рыбы. А надо сказать, что в период весеннего половодья Обь разливается километров на тридцать, и рыба по бесчисленным протокам заходит на нерест и нагул в соры — большие и малые водохранилища. А когда соры обсыхают, она снова выходит в Обь.

Сложив сетки и ружье в легкую лодочку-долбленку, старушка-ханты выехала в такой сор. Сетки она расставила на мелководье, где вода лучше прогревается и больше корма. Ночами рыба устремляется именно в такие места, а по утрам отходит на глубину.

Северные женщины, и не только местные, но и сосланные сюда во время сталинских репрессий, с юных лет умеют выполнять многие мужские работы — легко и быстро запрягают лошадей, заготавливают и вывозят дрова и сено, ловят рыбу.

Много трудностей и невзгод пережила и Ульяна Ерныхова, поэтому ничуть не боялась оставаться ночевать у реки или в тайге. Она установила палатку, вскипятила чай, погасила костер и, прихватив старенькое ружье, легла спать.

Погода стояла пасмурная, низко над сором плыли лохматые тучи, поэтому белая северная ночь была темноватой. Старушке плохо спалось, она просто дремала, дожидаясь утра.

Вдруг ей послышался всплеск воды. Выглянув из палатки, она поняла, что в ее сторону идет медведь...

— Козяин укоди, — забормотала она с перепугу и на всякий случай зарядила пулевой патрон.

Но то ли голос старушки был таким слабым, что медведь его не слышал, то ли он просто не рассчитывал встретить здесь человека — с пути зверь не свернул. Под его лапами чавкала вода, он не осторожничал, не принюхивался — смотрел только в сторону воды.

Ульяна старательно прицелилась в голову, чтобы надежно свалить зверя сразу, а то ведь и перезарядить ружье не успеешь, как он изорвет ее вместе с палаткой.

Грохнул выстрел. Медведь упал, снова с ревом вскочил, повертелся на одном месте и с хрипом завалился вбок. Когда он совсем затих, перепуганная старушка с ружьем наготове осторожно подошла к нему. Но что это?! Лежит не один, а два зверя! Кровь у того и другого сочится свежая... И тут Ульяна поняла, что рядом с медведем, справа, шла медведица. Пуля, пробив насквозь голову самца, перебила дыхательные пути медведицы. Обе раны оказались смертельными.

Ульяна поехала в поселок звать на помощь мужиков. Те ей сначала не поверили, а, приехав на место, увидели все сами. Мясо растащили по домам — у хантов не принято продавать его соседям. Друг друга выручают: сегодня ты дал мяса или рыбы соседу, завтра — он тебе...

Содержание

Вступительная статья	3
Макарова Г. И.	5
Кодский монастырь	6
Лесной олень	12
Югорский край	13
Перевес	14
Наша жизнь идет по спирали...	15
Обь	16
Встреча	16
Храм	17
Песня ветеранов	18
17 лет	19
На Сосьве	20
Кугаевский В.Ф.	22
Духовность формируется в семье	23
Над полуденной горой...	24
На местах грибных, да ягодных...	25
Родился я в сибирском тихом городе	26
Над полуденной горой...(вальс)	27
Не грусти, не беда...	28
Деревенька Атлым...	29
Халапанты, Халапанты...	29
Летние зори над Обью...	30
На Югорской земле города есть большие...	31
Шестакова В.И.	33
Мой древний Север, из каких сказаний...	35
Природа человека создала...	35
Песня об Октябрьском крае	36
Нам столько в жизни доброго дано...	37
Огонь в тайге	38
Все небо в ярких сполохах огня	38
Волчица	39
Тайга всегда была для нас надеждой	40
Сентябрь	41
Север	41
Ледоход на Оби	42
Алы Пагыл	43
Нарыкарами назван наш поселок...	43

Пономарев Г. С. 45
В строй пришел я безусым мальчишкой... 46
Маме 46
К месту службы 47
Весна 47
Песня о рыбаке 48
Незнакомка 49
Березки стройные, невесты нежные... 49
Лебеди 50
Я вижу мимолетное видение... 50
К чему безумные страдания... 50
Песня о первой любви 51
Письмо к С. Есенину 51
Что жизнь? — Игра в руках обмана... 53
Эпитафия 53
Пусть сердце комсомольское в груди 54
Каюков Л. М. 55
Осень 56
Такая жизнь не каждому дана 56
Откровенье 57
Встреча 58
Достойно проживу свой век 59
Наедине с природой 60
Полет чайки 61
Зима 61
Пусть вечно небо будет синим 62
Кудряшова Н. В. 64
Поселок судьбы 65
Как можно так, родная ? 65
Да, все прекрасное, наверно, в сказках 66
Попутчик 66
Поцелуи, объятья те, что дарил мне... 67
В купе уютном лаская взором... 67
Где ходишь счастьице мое 67
Как бездомная кошка 68
Зеленин А. А. 69
Наше древнее село 70
Одной пулей — двух медведей 70

Просмотрено краеведом

65-летию Октябрьского района

Макарова Г. И.
Кугаевский В. Ф.
Шестакова В.И.
Пономарев Г. С.
Каюков Л. М.
Кудряшова Н. В.
Зеленин А. А.

Идея: Администрации Октябрьского района ХМАО
В авторской редакции.
Составитель: Толстошеина Е.В.
Редакционная коллегия: Лукьянова Т. Э., Захаров В. К., Кожухаренко Р. А.

Сдано в набор 15.04.2002 г. Формат 60x84. Набор компьютерный. Гарнитура Times New Roman Cyr. Усл. печ. листов 4.275. Заказ № 901. Тир. 1000. П/о "Север". г. Серов, ул. К. Маркса. 19.

Просмотрено краеведом

77672004
Окружная библиотека